Архимандритъ Макарій (Глухаревъ) - основатель Алтайской Миссіи.

Отецъ Макарій.

Изъ воспоминаній о. Михаила Чевалкова.

12 лѣтъ мнѣ было тогда, когда я его увидалъ незабвеннаго... Меня звали Кипріанъ, и былъ я шустрый и веселый мальчикъ. Помню, какъ сейчасъ, мою дружбу съ Іаковомъ, товарищемъ моимъ. Онъ жилъ въ Улалѣ съ отцомъ своимъ— русскимъ, и я любилъ его и съ нимъ научился русскому языку, съ нимъ же я научился произносить имя христіанскаго Бога и любить Алтай и нашу крошечную Улалу, въ которой было всего четыре двора.

Божій міръ казался мнѣ прекраснымъ... я пасъ коровъ

отца, и, забравшись на камни Тугаи[1]), на которыхъ росъ баданъ[2]), обращалъ лицо къ востоку и произносилъ имя Іисуса Христа, прося Его взять меня къ Себѣ... я стыдился, когда наши камлали, и слова Іакова Конинина о его Богѣ глубоко врѣзались въ мое дѣтское сердце.

Помню ясный день, когда я, по обычаю, пошелъ къ товарищу Іакову и сидѣлъ съ нимъ на крыльцѣ его избы. Мы оба увидали двухъ людей въ черныхъ одеждахъ съ странными черными же шапками съ накрышками на головахъ. Я хотѣлъ бѣжать отъ нихъ, увидавъ ихъ, но одинъ изъ нихъ остановилъ меня; у него было такое доброе лицо, и глаза свѣтились ласкою... онъ далъ мнѣ пирожокъ, и, погладивъ по головѣ, спросилъ мягкимъ голосомъ, покорившимъ мое сердце, какъ меня зовутъ. На мой отвѣтъ—онъ сказалъ:

— „Посиди смирно, я разскажу тебѣ одну повѣсть, а ты слушай.—Это—хорошая, правдивая повѣсть".

И я сталъ слушать жадно, а онъ, положивъ мнѣ руку на плечо и сѣвъ самъ, началъ разсказывать такъ хорошо и понятно о большомъ камѣ Кипріанѣ, про то, какъ онъ уходилъ въ горы и изучалъ тамъ бѣсовское чернокнижіе, научившись которому, онъ дѣлалъ, что хотѣлъ; но только не могъ онъ бѣсовскими чарами прельстить душу крещеной дѣвицы Іустины и страшно дивился тому и спрашивалъ бѣсовъ своихъ главныхъ:

— „Отчего это? какъ не можете вы одолѣть этой дѣвицы?"

И слуги его, бѣсы, сказали:

— „Мы боимся Бога ея, и даже къ дому ея подойти не смѣемъ, не только къ ней".

Услыхавъ это, онъ самъ пошелъ къ Іустинѣ и спросилъ:

— „Въ какого ты Бога вѣруешь?"

А та разсказала ему объ Іисусѣ Христѣ, и послѣ того крестился камъ Кипріанъ и сталъ великимъ священникомъ, Божіей силою свершая многія чудеса, а теперь онъ на небѣ въ вѣчномъ Божьемъ свѣтѣ.

Помню, мнѣ захотѣлося проникнуть за синюю глубь небеснаго свода, и увидать тамъ кама Кипріана въ свѣтѣ Божіемъ, но тамъ ничего не было, кромѣ бѣловатыхъ облаковъ,

---

[1]) Тугаи—гора близъ с. Улалы.
[2]) Баданъ—трава, замѣняющая чай.

слегка розовѣвшихъ отъ лучей солнца, близившагося къ закату. Золотистыя ары[1]) носилися надъ цвѣтами за оградой Конининыхъ: трепеща разноцвѣтными крыльями, поднималися красивыя кобелки[2]), и милое лицо глядѣло на меня задумчивыми глазами.

— „Какъ тебя зовутъ, и что ты за человѣкъ?"—спросилъ я невольно.

А онъ сказалъ, улыбаясь мягко и ласково:

— „Зовутъ меня Макарій. Я—священникъ. Крестись ты, милый, и будешь чадо Божіе... некрещенные свѣта Божьяго никогда не увидятъ, и будутъ съ діаволомъ, и пойдутъ въ огонь и тьму, чтобы не выйти изъ нея никогда".

И долго онъ говорилъ мнѣ и Іакову, что будетъ съ вѣрующими и невѣрующими, пока не потухло солнце, и не догорѣла заря, а мнѣ хотѣлося плакать отъ его словъ, и сердце мое трепетало, и не хотѣлося уходить съ крыльца отъ этого человѣка, согрѣвшаго мою тогда дѣтски мягкую душу.

Онъ часто говорилъ со мною и моими и потомъ, но отецъ мой былъ упоренъ и не хотѣлъ бросать старой вѣры. а мать умерла отъ горячки, моя бѣдная мать, такъ и не узнавшая новой вѣры... я ее любилъ горячо и долго не могъ забыть, такъ трепетало и тосковало по ней мое сердце!.. Я тосковалъ о томъ. что она обречена на вѣчную тьму и не увидитъ Божьяго свѣта, и тамъ же на камняхъ Тугаи я молилъ Бога отца Макарія помочь ей въ томъ мірѣ, гдѣ она была теперь. А отецъ Макарій въ это время сталъ крестить; помню, какъ я хотѣлъ креститься, но не смѣлъ сказать отцу, видя его неодобреніе и насмѣшки надъ крестившимися. Онъ преслѣдовалъ меня за то, что я урывками любилъ слушать о. Макарія, его разсказы о Богѣ, какъ они доходили до души, и я, отрокъ-язычникъ, тихо плакалъ, слушая ихъ, забравшись въ кусты гдѣ-нибудь поближе къ окнамъ его избы, къ которой собиралися люди. Его слабый голосъ крѣпъ тогда, и рѣчь точно влагалась въ умъ: каждое слово обжигало и трепетало, доходя до сердца. Не разъ отецъ билъ меня, выслѣдивъ; и объ этомъ какъ-то узналъ отецъ Макарій: онъ жалѣлъ меня, какъ говорилъ мнѣ Конининъ, но не сказалъ ни слова о непови-

---

[1]) Ару—пчела.

[2]) Кобелекъ—бабочка.

новеніи отцу. Помню въ то время стараго Бориса Кочоева, онъ тоже не хотѣлъ креститься. Это былъ суровый старикъ, важный и здоровый собою, у него было много лошадей и скота, и говорили о томъ, что онъ имѣлъ деньги. Какъ онъ ненавидѣлъ отца Макарія! Должно быть Кара-неме [1]) постоянно были вокругъ него, а отцу Макарію хотѣлось спасти его душу. Каждую недѣлю ходилъ онъ къ нему, и я не разъ слыхалъ тѣ кроткія святыя убѣжденія, съ которыми онъ приходилъ къ Кочоеву. Домъ Бориса стоялъ надъ Маймою, тамъ, гдѣ густо разрослись Каін [2]) и Тереки [3]). Майма клокотала и грохотала о камни, и дикій берегъ пихтача, поднимавшагося высокимъ кряжемъ, круто убѣгалъ въ вышину.

— „Твоя душа, какъ эти камни!—говорилъ о. Макарій. —„Но Христосъ такъ добръ, Борисъ: Онъ посылаетъ меня къ тебѣ, Онъ хочетъ спасти твою бѣдную душу; смотри, какъ точитъ камни вода, вонъ одинъ сталъ гладкимъ и чистымъ и не торчитъ такъ злобно и угрюмо, какъ другіе. Мои слова—та же вода, они дойдутъ до твоей души, я вѣрю тому, потому что Господь мой желаетъ ее отнять у Курюмеся“ [4]).

Но чѣмъ больше и убѣдительнѣе были его уговоры, тѣмъ неприступнѣе и злѣе становился Кочоевъ. Однажды, въ осенній день, когда Сыгын-ай [5]) подходилъ уже къ концу, я, ворочаясь изъ пихтача, увидалъ о. Макарія, идущаго къ дому Бориса. Было тихо. Люди, пользуясь ясными днями, ушли по дѣламъ; даже малышей не было по близости, и меня потянуло послушать рѣчь о. Макарія. Прячась за деревьями, я подошелъ совсѣмъ близко къ крыльцу, на которомъ, насупившись, сидѣлъ Борисъ, угрюмый и злой.

— „Зачѣмъ идешь опять?“—забывъ долгъ гостепріимства, сказалъ онъ съ ненавистью.—„Мнѣ противно глядѣть на тебя, и рѣчи твои мнѣ постылы!“

— „А я тебя люблю“—сказалъ съ кротостью о. Макарій и сѣлъ, по обычаю, на крылечко съ своими кроткими словами о праведномъ Богѣ.

— „Я тебѣ желаю добра, чтобы на голову твою низошла

[1]) Кара-неме—злой духъ.
[2]) Каін—береза.
[3]) Терекъ—тополь.
[4]) Курюмесь—дьяволъ.
[5]) Сыгын-ай—Сентябрь.

благодать Господня. Много разъ говорилъ я тебѣ о Господѣ, но ты не желаешь Божіей благодати. Чтобы въ конецъ не ожесточить твое сердце, я скажу тебѣ одно: теперь не я, а ты будешь виноватъ. Мнѣ Богъ повелѣлъ говорить о Его правдѣ, о Его благости, и о всемъ я говорилъ тебѣ. Ты говоришь: „слухъ мой не принимаетъ такихъ словъ"; теперь, вмѣсто счастья, отъ Бога придетъ къ тебѣ несчастіе; вмѣсто милости—падетъ на голову твою гнѣвъ Божій; но это не отъ меня!"

И онъ положилъ руку на голову отворачивавшагося отъ него злого человѣка и ушелъ. Знаю, что онъ долго кашлялъ, но мнѣ не удалося повидать его, потому что онъ уѣхалъ въ Бійскъ, а вскорѣ послѣ его отъѣзда у Бориса пропали деньги. Пьяный онъ ихъ засунулъ куда-то и забылъ. Черезъ два мѣсяца у него пало 110 головъ скота. Помню, что изъ всѣхъ его лошадей остался одинъ чалый жеребенокъ. Въ тотъ годъ растаяло все его богатство, и онъ обѣднѣлъ, потому что Господь, полюбившій его, его оставилъ.

Много о немъ говорили у насъ и въ Бачатѣ, куда уѣхалъ онъ и гдѣ потерялъ свое послѣднее имущество. Весною уѣхали туда и мы, но его уже тамъ не было: онъ ушелъ снова на родину и, какъ говорили, поселился въ Монголіи. Недолго прожили мы въ Бачатѣ. Я, уже тогда женатый (женили меня 16-ти лѣтъ) сталъ страшно тосковать и захворалъ отъ тоски по Улалѣ и по отцѣ Макаріи. Я сохъ и вялъ, какъ трава, и умолялъ отца пустить меня креститься. И смягчилось его сердце тогда, онъ и самъ заплакалъ надо мною и, несмотря на злобу тещи, черезъ недѣлю мы ѣхали назадъ въ Улалу.

Этою осенью я крестился, и меня назвали Михаиломъ; крестился отецъ, и сестры, и жена моя, и братъ Адріанъ. На лѣвомъ берегу Улалы былъ домикъ Ашаулова. О. Макарій купилъ его и сталъ тамъ жить, а я съ праваго берега протопталъ узкую тропинку между кустовъ, ходя туда, чтобы послушать его рѣчей, и завидуя искренно младшему брату, котораго онъ училъ читать. Потомъ я научился съ его помощью многому, но въ это время я не умѣлъ ни читать, ни записать того, что однако осталося въ моей памяти ясно на всю жизнь, хотя и незаписанное. Прошла зима, наступила весна съ ея любованьемъ, обильно зацвѣлъ маралъ [1]), который,

[1]) Маралъ—алтайская роза.

какъ алымъ сукномъ, покрылъ камни, и въ одинъ изъ ясныхъ дней, идя своей тропой до любимаго дома, я увидѣлъ высокую, сгорбленную фигуру сѣдого старика, сидѣвшаго въ кустахъ и прятавшаго лицо въ колѣняхъ. Я узналъ его сразу: это былъ Кочоевъ—старый Борисъ, въ плохомъ платьи и обуви, поднявшій при моемъ приближеніи блѣдное испитое лицо.

Я спѣшно обошелъ его съ желаніемъ предупредить о. Макарія, но онъ уже отворилъ двери и сошелъ съ крыльца, торопясь и не глядя на меня, подбѣжавшаго къ нему.

— „Борисъ!"—позвалъ онъ громко сидѣвшаго.—„Иди, иди. Звалъ, ждалъ тебя, голубчикъ!"

Старикъ встрепенулся: его лицо просвѣтлѣло на минуту, онъ поднялся, но потомъ отвернулся и опять сѣлъ на землю, точно боясь двинуться къ тому, кто его звалъ.

— „Не подходи!"—сказалъ онъ голосомъ скорбнымъ и разбитымъ.—„Ты—большой камъ, хотя и не ворожишь на рукѣ, но лучше все знаешь, чѣмъ кол-куреэчі [1]). Божій гнѣвъ палъ на меня: у меня ничего нѣтъ—ни скота, ни денегъ, и я хвораю, ахъ, какъ хвораю: у меня яман-паалу [2]). Чѣмъ не лѣчился: киноварью, парами, мазью изъ яри мазался, бобковымъ масломъ и сулемой, и синимъ купоросомъ лѣчился—не помогаетъ ничего, тошно... Макарій, не попросишь ли своего Бога, чтобы помогъ: ты все говорилъ, что онъ добрый; а меня прости: тогда я былъ злой".

— „Пойдемъ, пойдемъ ко мнѣ!"—взялъ его за руку о. Макарій.—„Иди, голубчикъ, овца моя обрѣтенная... пойдемъ!"

— „У меня яман-паалу!"—повторилъ Борисъ, отступая. Но онъ только улыбнулся.

— „Ну чтоже! вылѣчимъ тебя. Яман-паалу отъ жизни нечистой, отъ грязи въ юртахъ. И праведники, милый, хворали болѣзнями хуже твоей. Я тебѣ о Іовѣ многострадальномъ разскажу когда-нибудь, а теперь иди: отдохни—лягъ. Ты когда пришелъ сегодня! Вотъ видишь! Идемъ—я тебя напою чаемъ. И трубки нѣту у тебя даже! Бѣдный Борисъ! пойдемъ, гость мой милый, успокоимъ тебя, полѣчимъ, чадо ты мое возлюбленное. Я сегодня точно отецъ евангельскій, къ которому сынъ вернулся!"

И лѣчилъ, утѣшалъ и ласкалъ, не гнушался его болѣзнью, пока онъ не поправился настолько, что надъ нимъ можно

---

[1]) Кол-куреэчі—алтайская швея, гадающія по рукамъ.
[2]) Яман-паалу—венерическая болѣзнь.

было совершить св. таинство крещенія. Какой былъ прекрасный день, когда его крестили и назвали Василіемъ. Ті-мирыт [1]) цвѣла, и птицы пѣли надъ Улалой рѣкой, въ воды которой погружался новокрещеный. Лицо Архимандрита сіяло, и было оно какъ лицо праведника, а кругомъ стоялъ народъ и дивился на это крещеніе человѣка, нѣкогда тамъ поносившаго нашу вѣру; дивился и на Архимандрита, который любовью своей привлекъ эту заблудшую душу, а у меня по лицу лилися слезы, хотя сердце мое хотѣло смѣяться и билося шибко и радостно въ этотъ прекрасный весенній день.

О. Архимандрита нѣтъ давно: умеръ и новокрещенный Василій, доживъ до 137 лѣтъ, но память о нашемъ апостолѣ не умретъ и другихъ подвигнетъ къ подвигамъ въ Миссіи, къ трудному дѣлу, гдѣ нужна любовь, самоотверженность и безграничная вѣра, какія были у незабвеннаго Архимандрита Макарія.

[1]) Ті-мирыт—черемуха.